

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-64>

УДК 82.02

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ ТОТАЛЬНОСТИ ВЛАСТИ В ДИСКУРСЕ ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «АПОФЕОЗ МИЛИЦАНЕРА» Д.А. ПРИГОВА)

О.А. Глушенкова (Красноярск, Россия)

Т.А. Загидулина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В работе анализируется трансформация образа тотальности власти в условиях открытости системы информационного общества – в московском концептуализме Д. Пригова.

Цель исследования – дать оценку репрезентации положительного образа власти в советских масс-медиа через законодательные акты (закона о советской полиции) и дальнейшей ее деконструкции в творчестве московских концептуалистов.

Результаты исследования. Демонстрируется значение полицейского как представителя власти в рамках парадигмы социального семиозиса симулякров Ж. Бодрийера – через становление симулякра в его стадиях. Симулякра Ж. Делеза – как образа, лишённого подобия, рассматривающего симулякр через парадигму платоновского видения бытия. Симулякра Ж. Батая – как значения, деформирующего само бытие – в первоначальном онтологическом смысле понятия симулякра. И социальной теории постмарксизма С. Жижека – как иллюзорной «объективной необходимости», продолжающей марксистскую концепцию отчуждения в самом широком смысле. Рассматривается репрезентация власти в образе милиционера-полицейского от третьего порядка симулякров: в необходимости сокрытия отсутствия первоначального действительного значения – до четвертого – в тотальности симуляции.

Вывод. В образе «милиционера» раскрывается проблема тотальности власти и ее репрезентации в литературе, символизирующей кризис существующей онтологии тождества и переход к онтологии различий, где означаемое больше не тождественно означаемому, где милиционер стоит и «не скрывается».

Ключевые слова: симулякр, Д. Пригов, московский концептуализм, Ж. Бодрийер.

Постановка проблемы. В условиях стремящегося к открытости информационного общества естественным образом встает проблема субъекта власти: ее вынужденная открытость поставила в опасное положение многие ранее тотально закрытые структуры. Ведь сакрализация власти реализуется через противоречие ее открытости: репрезентации через справедливую силу, наводящую порядок, с одной стороны, и закрытости ее рычагов, всепроникающих, всеведущих сил – с другой, иллюстрацией этого явления может послужить картина Васи Ложкина «Родина слышит» (рис.). Только таким образом, освещая одну часть власти и оставляя в тени другую (которая не обязательно должна существовать),

точнее, создавая симуляцию ее присутствия, давая пищу для конспирологических теорий – и политической пассивности в духе «от нас ничего не зависит», возможно добиться реализации власти вне гражданского общества. В противном случае, если власть будет открыта, она может реализовываться только с точки зрения полной легитимности и электоральной поддержки, но нас такая плюралистичная и популистская власть в духе западных демократий не интересует.

Рис. Вася Ложкин «Родина слышит»

Так, французский философ Мишель Фуко приоткрывает дверь в тюрьмы и психбольницы, а наш соотечественник А. Солженицын снимает пелену с огороженного тайгой пространства ГУЛАГа – как и вся лагерная проза после него. Всегда скрытый субъект власти постепенно становится открытым, что делает его элементы еще более отчужденными от своих объектов из-за роста популярности идеи гуманизма, с одной стороны, и провозглашение человека «осужденным на свободу», не имеющим оправданий своих поступков и, соответственно, меры всех вещей. И «смерти Бога», и разрушению «нравственных скрижалей» – через популяризацию идей немецкого и французского экзистенциализма – с другой стороны. В условиях тотальности гуманизации и кризиса духовных догм через их трансформацию в дискурс (а дискурс догматики в сущности значит ее крах) любая власть нуждается в обоснованности существования и убедительной легализации: так, например, аргументы силы или Божественной обоснованности, успешно действующие на протяжении Средних веков и даже Нового времени, в

современных обществах утрачивают свою «силу» – такой парадокс. Поэтому в некотором смысле история XX в. – это история самооправдания власти и репрезентации ее тотальности, что символически могло быть выражено в детской игре в прятки, когда игрока поймали, но он продолжает скрываться, убедительно твердя, что это не так, его не поймали и правила меняются.

Обзор научной литературы. В рассматриваемых нами художественных образах доминирует образ милиционера-полицейского, но, так как мы имеем дело с концептуальной репрезентацией, для ее определения и обоснования в парадигме симуляции стоит вернуться к реальности репрезентируемого феномена, в данном случае – к милиции-полиции.

В Советском Союзе писатели, художники, кинематографисты идейного толка много работали над позитивным образом советской милиции – в противовес царской жандармерии. В 1960-е гг. выходит мультипликационный фильм «Дядя Степа – милиционер», рассказывающий о милиционере, который совершает много благородных поступков – переводит через дорогу бабушек, находит маму потерявшегося малыша и предотвращает выходки хулиганов. Дядя Степа, возвышаясь над всеми обычными людьми, тем не менее дружелюбно настроен к ним – он добрый и всегда готов прийти на помощь. Интересно, что мультипликационный фильм был снят по одноименному стихотворению Сергея Михалкова, неоднократно раскритикованного за стремление угождать сиюминутным желаниям властей, лояльность к любому режиму и приспособленчество [Трофименков, 2003; Гриценко, Куклачев, 2008]. Михалков действительно в художественной форме предугадывает то, что будет написано в форме правовой в 1973 г., Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» [Указ..., 1973], который регламентирует права и обязанности советской милиции, суть которых выражается в первой статье указа «Советская милиция призвана обеспечивать охрану общественного порядка в стране, социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций и учреждений от преступных посягательств и иных антиобщественных действий» [Указ..., 1973], что легализует действия милиции не с позиции силы или сверхъестественных сил, а в правовом и справедливом ключе. Спустя пять лет, в 1978 г. появится «Апофеоз Милицанера» Дмитрия Пригова.

Перестройка-ускорение-гласность приносят дух свободы и ветер перемен, под которым легальность власти рискует сломаться – СССР перестает существовать как субъект геополитики. В законе РСФСР от 18 апреля 1991 г. «О милиции» мы читаем уже следующее: «Милиция в Российской Федерации – система государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств и наделенных правом применения мер принуждения в пределах, установленных настоящим Законом и другими федеральными законами» [Закон..., 1991].

Результаты исследования. Настоящее положение легализует и обосновывает действия власти милиции. Это и есть постулируемая действительность – милиционер как защитник прав и свобод людей, граждан, в мультипликационной экранизации – благородный великан и друг людей. Милиционер, репрезентируемый властью, милиционер, репрезентируемый искусством, и милиционер как действительность – это три большие разницы. Именно поэтому стоит рассмотреть отношение искусства, в данном случае – московского концептуализма и официальной правовой репрезентации – «милиционер как призванный защищать права и свободы граждан». Образ милиционера представляет собой симулякр, так как он отчуждает от действительности и воплощает в себе строго определенные эмоционально значимые качества – благородство, силу духа, мужество.

Сам Д.А. Пригов в одном из интервью замечает, что «конкретную интонацию диктует пользующийся материал, его амбиции и степень повсеместной внедренности. Нынешний поэт и его поэтическое высказывание вполне затеряно и одиноко в море соревнующихся голосов. Оттого и иная интонация, чем при работе с единственным и всепобедившим мифом. Соответственно трансформировался и образ Милицанера. Если в пределах советского мифа он был генеральным посредником между Небесным Государством и Государством Земным, то ныне он просто госслужащий (естественно, со всеми пороками, присущими чиновникам нашей эпохи)» [Сергеев, 2006].

В монографии Н.Р. Саенко «Онтологическая поэтика пустоты» описан механизм превращения феномена реальности в феномен сознания [Саенко, 2010]. Исследователь интерпретирует образ приговского Милицанера через христианскую модель канонического жития святого, сопоставляет его с былинными богатырями, убедительно это обосновывая, но, абстрагируясь от христианских кодов, можно выдвинуть гипотезу о надмирной сущности Милицанера. Тотальность власти, а Милицанер – воплощение этой тотальности, совершенно не обязательно должна иметь христианский фундамент, этот фундамент скорее внерелигиозен или панрелигиозен, точно так же его можно сопоставлять с любым национально или культурно окрашенным представителем нечеловеческих высших сил.

В цикле «Апофеоз милицанера» представитель власти всевидящ и отовсюду видим: «На Запад и Восток глядит Милицанер / И пустота за ними открывается / И центр, где стоит Милицанер — / Взгляд на него отовсюду открывается / Отовсюду виден Милиционер» [Пригов].

Феномен паноптизма власти описан еще М. Фуко [Фуко, 1999].

Герой представляет интерес как объект созерцания и воспевания:

«Вот он идет на пост свой строгий / Милицанер в своем краю / И я пою его в восторге» [Пригов] – может быть примером и таковым себя считает («Как зрелости я форменный пример» [Пригов]), примечательно, что милицанер является именно примером зрелости – зрелость, строгость – это главные черты положительного соцреалистического героя [Кларк, 2000, с. 582], которые буквально каменеют, застывают в образе приговского героя, делая его монументальным и симулятивным (посредством иронии) одновременно.

Способность смотреть и быть зримым у милицанера особенная – он видит все, но ничего конкретного, мелкого, земного он не замечает:

«Пьет на обычный свой манер / Не видя даже литераторов / Они же смотрят на него / Вокруг него светло и пусто».

Д.А. Пригов том же интервью утверждает, что «интеллектуал же никогда не претендует на власть, он просто производит оценку властных мифов и претензий» [Сергеев, 2006], то есть его милицанер – это результат осмысления властного мифа.

Немаловажная деталь образа – мундир, который сразу перевоплощает «частного» человека в нем в метафизическое существо, соответственно, суд над убийцей в мундире может быть только метафизическим. Мундир на милицанере всегда:

«Пост далеко его отсюда / А вот мундир всегда при нем» [Пригов], – даже тогда, когда герой не находится на посту, он остается милицанером – максимально обобщенным образом власти, которая актуальна даже там, где людей нет, то есть это власть не над людьми, что подтверждает идею ее тотальности, разворачиваемую в первом стихотворении цикла. Тотальность власти подсвечивается также эпизодом прямой коммуникации с Богом:

«И смотрит вверх, и сверху Бог / Нисходит и целует в лоб», «Переговаривается он / Не знаю с кем – наверно / С Богом / И голос вправду неземной / Звучит из рации небесной...» [Пригов].

И несмотря на то что милицанер, как правило, «стоит», есть эпизоды, где он снисходит: «Милицанер сойдет с высот / И защитит младенца сонного» [Пригов] – для выполнения своей главной функции – защиты.

В милицанере нет сексуальности. Он спасает девушку не для того, чтобы овладеть ею. Даже санкционированный секс, намек на него, вызывает в милицанере чувство противоречия – дело создания семейной ячейки – это дело государственной важности, но вместе с тем слишком земное, нечистое, плотское, тогда как милицанер должен существовать в чистоте [Ковтун, 2020, с. 220–245]. Женские образы представлены скупой – жена, невеста – Скорая помощь, а также Милицанерша – смерть, примечательно, что Милицанерша не является женой милицанера. Образ Милицанерши еще раз подчеркивает надмирную сущность Милицанера. Образ женщины же дескарализуется, о чем подробно у Н.В. Ковтун [Ковтун, 2020, с. 220].

В предуведомительной беседе № 3 сам Автор поясняет значение слова «апофеоз»: «Автор Это торжество перед лицом дальнейшей невозможности.

Милицанер Как это? Как угадаешь, что дальше невозможно? Только после смерти.

Автор Да, апофеоз – это торжество жизни в лучах восходящей смерти!» [Пригов].

Торжество перед лицом дальнейшей невозможности – это фактически отсутствие, симулятивность. У знака «милицанер» есть только означающее, сконструированное из осколков соцреалистического мифа, но означаемого нет.

Вывод. Таким образом, приговский милиционер в парадигме Бодрийяра представляет собой третий порядок симулякра – знак, скрывающий отсутствие оригинала, в данном случае – высмеивающий факт отсутствия. В этом смысле симулякр Пригова является переходом уже к четвертому порядку симуляции, которые были продемонстрированы продолжателями московского концептуализма, арт-группой Война и Пусси Райот. Четвертый порядок симулякров уже не скрывает разрыва знака и означаемого, демонстрирует его отсутствие открыто, в данном случае – основную сущность милиционера – защиту народа и близость с ним.

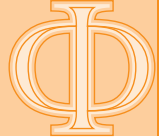
Библиографический список

1. Батай Ж. Слезы Эроса // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994. С. 271–308.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Книга по требованию, 2013. 254 с.
3. Гриценко А., Куклачев Д. Цензура совести // Деловая газета «Взгляд» от 19 марта 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/culture/2008/3/19/153326.html>
4. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
5. Закон РФ «О милиции» от 18.04.1991 № 1026-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59/
6. Кларк К. Положительный герой как вербальная икона // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 569–584.
7. Ковтун Н.В. О женском и женственном в советских текстах Д.А. Пригова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 64. С. 220–245.
8. Пригов Д. Апофеоз милиционера // Современная русская поэзия [Электронный ресурс]. URL: <http://modernpoetry.ru/main/dmitriy-prigov-apofeoz-milicanera>
9. Саенко Н.Р. Онтологическая поэтика пустоты: монография. М.: Академия Естествознания, 2010. 161 с.
10. Сергеев С. «А рядом стоял я в треуголке» (интервью с Приговым Д.А. специально для «Нового времени») [Электронный ресурс]. URL: <http://prigov.ru/bukva/interv.php>
11. Трофименков М. Человек, который никогда не ошибался, 90 лет Сергею Михалкову // Коммерсантъ. 2003. № 42 от 13.03. С. 22.
12. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» [Электронный ресурс]. URL: <http://shieldandword.mozohin.ru/documents/ukaz8673.htm>
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Сведения об авторах

Глушенкова Ольга Александровна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: netzumi@mail.ru

Загидулина Татьяна Андреевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zagi9@rambler.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-64>

TRANSFORMATION OF THE IDEA OF POWER TOTALITY IN POSTSTRUCTURALISM DISCOURSE (BASED ON THE CYCLE “APOTHEOSIS OF POLICEMAN” BY D.A. PRIGOV)

O.A. Glushenkova (Krasnoyarsk, Russia)

T.A. Zagidulina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The paper analyzes transformation of an image of power totality in the conditions of the openness of the information society system, according to the Moscow conceptualism of D. Prigov.

The purpose of the article is to provide an assessment of the representation of a positive image of power in the Soviet mass media, through legislative acts (the law on the Soviet police) and its further deconstruction in the works of Moscow conceptualists.

Research results. The article demonstrates the importance of a policeman as a power representative within paradigm of social semiosis of J. Baudrillard’s simulacra – through the formation of a simulacrum in its stages; of J. Deleuze’s simulacrum – as an image devoid of similarity, considering the simulacrum through the paradigm of Plato’s vision of being; of J. Bataille’s simulacrum – as a meaning that deforms being itself – in the original ontological sense of the concept of simulacrum; and of S. Žižek’s social theory of post-Marxism – as an illusory “objective necessity”, continuing the Marxist concept of alienation in the broadest sense. The author considers the representation of power in the image of a policeman from the third order of simulacra: in the need to conceal the absence of the original actual meaning, to the fourth order – in the totality of simulation.

Conclusion. The problem of the totality of power and its representation in the literature is raised symbolizing the crisis of the existing ontology of identity and the transition to the ontology of differences where the signified is no longer identical to the signifier, where the policeman stands and “does not hide”.

Keywords: *simulacrum, D. Prigov, Moscow conceptualism, J. Baudrillard.*

References

1. Bataj Z.H. Slezy Erosa [Tears of Eros]. Tanatografiya Erosa: ZHorzh Bataj i francuzskaya mysl' serediny HKH veka. SPb.: Mifril, 1994. P. 271–308.
2. Bodriyyar Zh. Simulyakry i simulyaciya [Simulacra and simulation]. Tula: Kniga po trebovaniyu, 2013. 254 p.
3. Gricenko A., Kuklachev D. Cenzura sovesti [Censorship of conscience] // Delovaya gazeta „Vzglyad” ot 19 marta 2008 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://vz.ru/culture/2008/3/19/153326.html>
4. Zhizhek S. Dobro pozhalovat' v pustynyu real'nogo [Welcome to the real desert. M.: Fond „Pragmatika kul'tury”, 2002. 160 s.
5. Zakon RF “O milicii” ot 18.04.1991 № 1026-1 (poslednyaya redakciya) [The law of the Russian Federation “On the police” of 18.04.1991 No. 1026-1 (last edition)] [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59/
6. Klark K. Polozhitel'nyj geroj kak verbal'naya ikona [The positive hero as a verbal icon] // Soc-realisticeskij kanon. SPb.: Akademicheskij proekt, 2000. P. 569–584.

7. Kovtun N.V. O zhenskom i zhenstvennom v sovetskih tekstah D.A. Prigova [On the feminine and feminine in Soviet texts by D.A. Prigova] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2020. No. 64. P. 220–245.
8. Prigov D. Apofeoz milicanera [The apotheosis of the policeman]. Sovremennaya russkaya poeziya [Elektronnyj resurs]. URL: <http://modernpoetry.ru/main/dmitriy-prigov-apofeoz-milicanera>
9. Saenko N.R. Ontologicheskaya poetika pustoty: monografiya [Ontological poetics of emptiness: a monograph]. M.: Akademiya Estestvoznaniya, 2010. 161 p.
10. Sergeev S. „A ryadom stoyal ya v treugolke” (interv’yu s Prigovym D.A. special’no dlya „Novogo vremeni”) [“And I was standing next to him in a cocked hat” (interview with Prigov D.A. specially for. “New time”)] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://prigov.ru/bukva/interv.php>
11. Trofimenkov M. Chelovek, kotoryj nikogda ne oshibalsya, 90 let Sergeyu Mihalkovu [Censorship of conscience] // Gazeta “Kommersant”. 2003. No. 42 ot 13.03. P. 22.
12. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR „Ob osnovnyh obyazannostyah i pravah sovetskoj milicii po ohrane obshchestvennogo poryadka i bor’be s prestupnost’yu” [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “On the basic duties and rights of the Soviet militia to maintain public order and fight crime”] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://shieldandsword.mozohin.ru/documents/ukaz8673.htm>
13. Fuko M. Nadzirat’ i nakazyvat’. Rozhdenie tyur’mu [Discipline and Punish. The birth of a prison] / per. s fr. V. Naumova; pod red. I. Borisovoj. M.: Ad Marginem, 1999. 480 p.

About the authors

Tatiana Andreevna Zagidulina – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: zagi9@rambler.ru

Olga Alexandrovna Glushenkova – Graduate student, Faculty of Philology, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: netzumi@mail.ru